

**ОТРАЖЕНИЕ РОЛИ НАДИМА В
ДВОРЦОВОЙ ЖИЗНИ В ТРАКТАТАХ
НИЗАМА АЛ-МУЛКА «СИЯСАТНАМЕ» И
КАЙКАВУСА «КАБУСНАМЕ»**

Хусенов Фаррух Рахимович, к.и.н., доцент
кафедры всеобщей истории и религиоведения
ГОУ «ХГУ имени
акад.Б.Гафурова» (Таджикистан, Худжанд)

**ИНЪИКОСИ НАҚШИ НАДИМ
ДАР ҲАЁТИ ДАРБОРӢ ДАР РИСОЛАҲОИ
«СИЁСАТНОМА»- И НИЗОМУЛМУЛК
ВА «ҚОБУСНОМА»- И КАЙКОВУС**

Хусенов Фаррух Раҳимович, н.и.т., дотсенти
кафедраи таърихи умумӣ ва диншиносии МДТ
«ДДХ ба номи акад.Б. Гафуров» (Тоҷикистон,
Хуҷанд)

**REFLECTION OF NADIM'S
ROLE IN PALACE LIFE IN NIZAM
AL-MULK'S TREATISES ENTITLED
AS "SIYASAT-NAME" AND
"KABUS-NAME" BY KAIKAVUS**

Huseinov Farrukh Rahimovich, candidate of
historical sciences, Associate Professor of the
department of general history and religious studies
attached under the SEI "KhSU named after
acad.B. Gafurov" (Tajikistan, Khujand),
E-mail: Farrukh_2522@mail.ru

Ключевые слова: надим, Низам ал-Мулк, Кайкавус, трактат, правитель, сопоставительный анализ, пиришества, игра в чавган

В статье на основе сведений средневековых авторов – Низама ал-Мулка и Кайкавуса, изучены обязанности надима. Автор статьи, указывает на то, что оба автора были государственными деятелями и только в их трактатах дается описание качеств, требуемых от надима. Именно поэтому к данным этих авторов можно отнестись с доверием. При проведении сопоставительного анализа выявляются общность и упущение авторов. Наряду с этим, в процессе анализа данные Низама ал-Мулка и Кайкавуса также сопоставляются с данными других авторов, таких как Низами Арузи Самарканди и Байхаки. Констатируется, что правитель должен был, соблюдая субординацию, проводить веселье и попойки не с чиновниками, а с надимами. Выявлено, что среди надимов выделялись и личные надимы, которые были еще более близки с правителем. Отмечается, что надимов выбирали из числа образованнейших людей и они считались самыми близкими друзьями правителя.

Вожаҳои калидӣ: надим, Низомулмулк, Кайковус, рисола, подшоҳ, таҳлили муқоисавӣ, базм, чавгонбозӣ

Дар мақола бар мабнои маълумоти муаллифони асримиёнагии барвақт – Низомулмулк ва Кайковус, вазифаҳои надим омӯхта шудааст. Муаллифи мақола қайд менамояд, ки ҳар ду муаллиф арбобони давлатӣ буда, танҳо дар рисолаи онҳо маълумот оид ба сифатҳои, ки надим бояд ба онҳо соҳиб бошад, дода шудаанд. Аз ин рӯ ба маълумоти муаллифони мазкур бояд бо боварӣ муносибат намуд. Дар ҷараёни таҳлили муқоисавӣ умумият ва нуқси назари муаллифон нишон дода шудааст. Дар баробари ин, дар ҷараёни таҳлил маълумотҳои Низомулмулк ва Кайковус бо маълумотҳои муаллифони дигар, ба монанди Низами Арузи Самарқандӣ ва Байҳақӣ, муқоиса карда шудааст. Қайд карда мешавад, ки подшоҳ бояд мартабаи худро нигоҳ дошта, хушғоли ва майнӯширо на бо амалдорон, балки бо надимон мегузаронд. Муайян карда шудааст, ки дар баробари надимон, инчунин надимони хос вуҷуд доштанд, ки ба подшоҳ боз ҳам наздиктар буданд. Қайд карда мешавад, ки надимон аз ҳисоби одамони бомаърифат интихоб гардида, дӯстони наздиктарини подшоҳ маҳсуб меёфтанд.

Key words: nadim, Nizam al-Mulk, Kaikavus, treatise, ruler, comparative analysis, feasts, playing chavgan

Proceeding from information concerning medieval authors - Nizam al-Mulk and Kaikavus the author of the article canvasses duties of nadim. The author of the article points out that both authors were statesmen and only in their treatises a description of qualities required of nadim is given. That is why the data of these authors can be taken with confidence. Comparative analysis reveals commonality and omission of the authors. Alongside with this, in the process of analysis, data of Nizam al-Mulk and Kaikavus are also compared with other authors' ones, such as Nizami Aрузи Samarkandi and Baykhaki. It is stated that the ruler, observing subordination had to spend fun and drinking not with officials, but with

nadims either. It is revealed that among nadims, personal nadims also stood out, who were even closer to the ruler. It is underscored that nadims were chosen from among the most educated people and they were considered the closest friends of the ruler.

На раннесредневековом мусульманском Востоке в жизни двора правителей надимы играли заметную роль, что отражено в письменных источниках. Но из известных нам средневековых авторов только Низам ал-Мулк и Кайкавус в своих трактатах посвятили отдельную главу этикету службы надимов правителя и их роли в жизни двора. Информация названных авторов относительно чина надима считается ценной, так как они непосредственно занимались государственной деятельностью и были знакомы с повседневной жизнью двора не понаслышке. Низам ал-Мулк был визирем двух сельджукских султанов – Алп-Арслана (1063-1073) и Маликшаха (1073-1092), а свой трактат написал по поручению Маликшаха на конкурсной основе. Кайкавус был представителем династии Зияридов, правивших в Табаристане, и служил личным надимом Мавлуда Газнави (1041-1048). В данной статье автор поставил цель провести сопоставительный анализ данных Низам ал-Мулка и Кайкавуса, определить общность, упущение и разногласие авторов, на этой основе раскрыть полноту функций надимов и определить их практическое значение. Для достоверности информация Низам ал-Мулка и Кайкавуса будет также сопоставляться с материалами других авторов рассматриваемой эпохи.

Важно отметить, что должность надима появилась ещё в древнем Иране, несколько позже она была перенята монархами Рима. В Древнем Риме они назывались «друзья императора» и разделяли с ним трапезу и вместе выпивали. Арабы, после завоевания Сасанидского Ирана и перенесения столицы в Багдад, в период правления династии Аббасидов, от иранского двора переняли должность надима. Например, халиф Маъмун (813-833) поручил дворцовым служащим представить ему список лиц, которые заслуживали должности надима. В соответствии со вкусами халифа, в эту группу входили литераторы, учёные, люди широкого кругозора, а также военные [9, с. 126; 10, с. 129].

Советский востоковед Е.Э. Бертельс дает следующее определение должности надима: «Надим – «собутыльник». Так называлось лицо, допускавшееся к царям в личные апартаменты в дни, когда не было общего приема. На его обязанности лежало развлекать повелителя беседой и принимать участие в его попойках» [16, с.286]. Е.Э. Бертельс дает четкое, но сжатое определение должности надима. Более подробно о функциях должности надима и личных качествах, которым должен был обладать он, мы можем получить информацию именно из трактатов Низам ал-Мулка и Кайкавуса.

Чтобы провести сопоставительный анализ, приведем данные авторов в оригинале. Вначале обратимся к Низам ал-Мулку. Он в своем трактате о предназначении, роли и качествах надима пишет следующее: «Государю нельзя обойтись без того, чтобы иметь достойных надимов и с ними откровенно и непринужденно обходиться, так как частые сидения с вельможами, эмирами и сипах-саларами войска наносят ущерб величию и достоинству государя, они делаются слишком смелыми. И вообще, кому приказали государственную службу, тому не следует приказывать должность надима, тому же, кому приказали быть надимом, не следует приказывать должность, ввиду близости к государю он может проявить своеволие, причинить несчастье людям. Амил должен быть всегда боящимся государя, а надим должен быть непринужденным в обращении с государем, чтобы государь от него получал удовольствие, и природа государя была открыта перед надимом. Их время — определенное: когда государь дал прием и все вельможи разошлись, наступает их очередь службы. От надима несколько польз: одна та, что он бывает близким другом государя, другая та, что, находясь с государем день и ночь, он бывает вместо телохранителя и в случае необходимости еще та польза, – удали ее господь! – если предстоит какая-нибудь опасность, он жертвует своим телом, заменяет своим телом щит против той опасности, четвертая та, что тысячу родов слов можно сказать с надимом, ибо они суть владельцы должностей и работники государя, пятая та, что они сообщают ему о делах царей, как и лазутчики, шестая та, что они ведут всякого рода разговоры без принуждения о добром и плохом, в пьяном и в трезвом виде, в чем много полезного и целесообразного. Надо, чтобы надим был от природы даровит, добродетелен, пригож, чист верой, хранитель тайн, благодетел, он должен быть рассказчиком, чтецом веселого и серьезного, помнить много преданий, всегда быть добрословом, сообщителем приятных новостей, игроком в нард и шахматы, если он может играть на каком-либо музыкальном инструменте и владеть оружием – еще лучше. Надим должен быть согласным с государем. На все, что произойдет или скажет государь, он должен отвечать: «Отлично, прекрасно»; он не должен поучать государя: «Сделай это, не делай того; почему поступил так?»; он не должен так

говорить, а то государю станет тягостно и произойдет отвращение. Надимам приличествует устраивать все, что имеет отношение к вину, развлечениям, зрелищам, дружеским собраниям, охоте, игре в човган и тому подобному, так как они для того и нужны. Все же, что имеет касательство до царства, сражения, нападения, начальствования, запасов, даров, походов, остановок, войска, народа и тому подобного, предпочтительно устраивать с вазиром, вельможами и выдавшими виды старцами, чтобы дела шли надлежащим образом. Некоторые из государей делали своими надимами врачей и астрологов, чтобы знать, каково мнение каждого из них, что следует государю, что надо делать, они берегли природу и здоровье государя. Астрологи же наблюдают за временем и часом; во всяком деле, которое будет предпринято, они дают уведомление и выбирают благоприятный час. Некоторые из государей отказываются от этих обоих, заявляя: «Врач запрещает нам прекрасные кушанья и любимые удовольствия, когда мы не больны, он дает нам беспричинно лекарства, стесняет нас. Астролог также ставит препятствия к совершению всякого дела, отвращает нас от важных дел, докучает. Целесообразнее призывать этих обоих во время надобности». Надим тем ценнее, чем он более опытен житейски, чем более он побывал всюду, чем более услуживал вельможам. Когда люди хотят узнать о характере и нраве государя, они судят по его надиму. Если надимы государя с хорошим характером, приятные, даровитые, скромные и терпеливые, можно заключить то же самое и о государе, становится известным, что государь не славится ни плохим характером, ни злонравием, ни неучтивостью, ни скупостью. Еще следует, чтобы у каждого из надимов были свои сан и чин; одним уместно сидеть, другим уместно стоять; таков обычай был с древности в собраниях царей и у халифов. Этот обычай остался и до наших дней в старинном роде халифов. Всегда у халифа столько надимов, сколько было у его предков. У газнинского султана постоянно было двадцать надимов, десять сидели, а десять стояли. Этот обычай и устройство они, газнинские султаны, переняли у Саманидов. Следует, чтобы надимам государя был предоставлен достаток и полное уважение среди всей свиты; они должны быть благоразумными, искренними, любящими государя» [11, с. 94-96; 12, с. 76-77; 15, с. 120-122].

Одним из основных предназначений надимов Низам ал-Мулк видел в участии их в пирах. Почему правитель должен был, соблюдая сложившийся этикет, проводить увеселительные пиры в основном с надимами, он объясняет тем, что если он будет проводить пиршества с гулямами, то его достоинство потерпит изъясн. Также он отмечает, что если правитель будет проводить веселье больше с вельможами и военачальниками, тогда потерпит ущерб его величие, и они могут начать игнорировать его приказы. Низам ал-Мулк отдельно подчеркивает, что с визирем нужно разговаривать исключительно по важным делам. [11, с. 126-127; 15, с. 162].

Таким образом, Низам ал-Мулк дает понять, что, так как рабы относятся к низшему слою общества, правителю проводить с ними веселье не прилично, а если проводить веселье с аристократами, находящимися в его подчинении, подорвется его авторитет перед ними. Мысль Низама ал-Мулка заключается в том, что надим, выбравшийся из среды аристократов, но не находившийся на государственной службе, не может нанести ущерба авторитету правителя.

Кайкавус в своем трактате дает совет своему сыну Гиляншаху не принимать никоим образом звание надима без наличия нужных для этого качеств, если правитель захочет назначить его на эту должность. Далее он обстоятельно перечисляет следующие качества, необходимые надиму: «Во-первых, нужно, чтобы все пять чувств у него были в распоряжении, затем должен он иметь такую наружность, чтобы люди при виде его не испытывали отвращения, дабы и благодетелю смотреть на него не опротивело. В-третьих, должен он уметь писать по-арабски и по-персидски, чтобы, в личных покоях понадобиться этому царю прочесть или написать что-нибудь...

В-четвертых, если надим не будет поэтом, а он все же должен различать хорошие и плохие стихи, поэзия не должна быть от него сокрытой, и он должен помнить наизусть много арабских и персидских стихов, чтобы, если как-нибудь господину понадобиться какое-либо двустишие, не приходилось сразу звать поэта, пусть или сам сложит или передаст с чьих-нибудь слов.

Точно также должен он знать кое-что из медицины и астрологии, дабы, если пойдет речь об этих искусствах или нужда в этом деле, не приходилось сразу звать врача или звездочета. Ты, что знаешь, то и говори, чтобы выполнить правила собеседования, тогда доверие падишаха к тебе умножится, и он будет более склонен принимать твои услуги.

Затем нужно, чтобы надим был немного сведущ и в музыке и умел что-нибудь сыграть, дабы, если у царя случится дружеская беседа, где мутрибу места нет, ты мог бы развлечь его тем, что умеешь, тогда, по этой причине, он будет еще более склонен к тебе.

Затем будь рассказчиком и помни много рассказов о смешных случаях и метких ответах и о диковинных случаях, ибо надим без диковинных рассказов – не настоящий надим. Должен ты

также уметь играть в нарды и шахматы, но только не так, чтобы быть страстным игроком, ибо если только ты игрок по природе, то в надимы ты уже не годишься.

А еще ко всему тому, что я сказал, ты должен знать наизусть Коран, знать кое-что из тафсира, помнить кое-что из фикха, знать предания о пророке, мир над ним, знать кое-что из науки шариата и вообще не быть лишенным познаний [об этих делах], чтобы, если зайдет об этом на царской беседе речь, смочь дать ответ [на вопрос] и не нужно было идти к кази и факихам. Нужно также, чтобы ты много читал жизнеописаний царей и помнил их наизусть и мог бы сам поговорить о качествах царей минувших времен, дабы это оказало действие на сердце царя, а рабам господу всевышнего была польза и удовольствие.

Нужно, чтобы была у тебя и серьезность и шутка, но должен ты знать время применения их, когда оно настает: в серьезный миг не говори шуток, и в час досуга не говори про серьезное. Ибо всякая наука, которую знаешь, а применять не умеешь, что знать ее, что не знать – все одно.

И при всем том, что я сказал, должны быть в тебе и рыцарские наклонности и мужество, ибо цари не всегда предаются развлечению; если когда придется показать мужество – покажи, и должно у тебя хватить мощи, чтобы сражаться с одним или [даже] двумя витязями». [8, с. 212-213; 7, с. 143-144].

Теперь, на основе сопоставления данных Низам ал-Мулка и Кайкавуса, определим общность в описании службы надима. Оба автора указывают на то, что надимы должны были обладать мужеством и в случае необходимости служить как телохранители, знать много смешных и диковинных рассказов, обладать красивой внешностью, уметь играть в нарды, шахматы и на каком-нибудь музыкальном инструменте. Что касается знаний медицины и астрологии, то, согласно Кайкавусу, надимы должны были знать кое-что из этих наук, но Низам ал-Мулк указывает на то, что некоторые правители делали своими надимами именно профессиональных врачей и астрологов, но тут же подчеркивает, что другая часть правителей не хотели видеть их в качестве своих надимов, предпочитая звать их по надобности, так как их запреты воспрепятствовали увеселительным развлечениям.

Наряду с этим, мы можем именно у Низама ал-Мулка получить ответ на вопрос, зачем нужен был правителю надим, когда веселье и попойки он мог проводить с вельможами и другими служащими двора? Из описания должности надима Низамом ал-Мулком можно сделать вывод, что правитель должен был, соблюдая субординацию, не проводить веселье и попойки с чиновниками. Он, как опытный государственный деятель, выступает против того, чтобы чиновника назначали надимом, а надима – чиновником. Тем самым Низам ал-Мулк проводит четкую черту между двором правителя (даргахом) и военно-гражданскими ведомствами (диванами), что было свойственно раннесредневековым мусульманским странам.

Байхаки сообщает о том, что Масъуд Газнави (1030-1042), намерившись назначить Ахмада ибн Хасана визирем, сообщил ему, что передает государственные дела, кроме веселья, питья вина, игры в чавган и военных дел.

На основе этого сообщения Байхаки иранский исследователь Х. Анвари пришел к выводу, что устраивание пиршеств и веселья были занятиями двора [1, с.15]. Отметим, что данное сообщение также косвенно свидетельствует об этикете, о котором сообщает Низам ал-Мульк, т.е. об этикете, запрещающем выпивать правителю с чиновниками. Но не писанный дворцовый этикет, запрещающий выпивать вино правителю с чиновниками, не всегда соблюдался. Например, тот же Байхаки, сообщая о проведении разбора жалоб подданных султаном Масъудом с участием визиря Ахмада ибн Хасана, ариза и Бунасра Мушкана, также сообщает, что, после проведения тяжбы, «государь позвал надимов, потребовал вина и мутрибов. Он задержал знатных особ выпить вина...» [4, с. 373; 5, с. 267; 3, с. 335; 2, с. 286].

Низам ал-Мулк не только как опытный визирь, но и как знаток истории, своими наставлениями словно пытается удержать сельджукских султанов от ошибок, совершенных другими правителями. Ведь история помнит, как увлечение султана Масъуда Газнави оказало отрицательное влияние на некогда могущественную империю Газнавидов. Этикет, запрещающий правителю выпивать вино с чиновниками, способствовал соблюдению субординации и являлся одним из прогрессивных этикетов двора.

Низам ал-Мулк также перечисляет некоторые качества, требовавшиеся от надима, которые Кайкавус в своем трактате упустил из виду. Согласно Низаму ал-Мулку, надим всегда должен соглашаться с правителем и никоим образом не поучать его. Также надим должен был участвовать в различных развлечениях, будь то это попойки или игра в чавган. Другое интересное сообщение Низама ал-Мулка – это традиция дворов династий Аббасидов,

Саманидов и Газнавидов иметь одинаковое количество надимов. Хотя автор не называет количество надимов Аббасидских халифов, но сообщает, что Саманиды по традиции имели 20 надимов, и данная традиция была перенята Газнавидами. Из этих 20 надимов во время службы 10 сидели, 10 стояли. Низам ал-Мулк подчеркивает, что каждый из надимов должен был иметь сан и чин и, в соответствии этим, стоять или сидеть во время службы. Таким образом, Низам ал-Мулк выступает за продолжение традиции предшествующих династий.

Кайкавус в свою очередь сообщает, что он сам был личным надимом Мавдуда Газнави. Согласно ему, личный надим никогда не должен был отсутствовать на пиршествах. Личный надим всегда должен был присутствовать при правителе во время трапезы, независимо от того, были ли при этом другие надимы или нет [8, с. 240; 7, с. 166]. О должности личного надима упоминает также Байхаки. В частности, он сообщает, что к эмиру Мухаммаду Газнави (1030) было позволено входить только личным надимам, а также каввалам, мутрибам и виночерпиям двора [4, с. 75; 5, с. 46; 3, с. 50]. Наверное, десять надимов из 20, которые имели право сидеть во время службы, о которых сообщает Низам ал-Мулк, были именно личными надимами.

Согласно Кайкавусу, как-то после утренней попойки, в нетрезвом виде, Мавдуд Газнави (1041-4048) дал прием войску, после них был принят визирь Абдураззак Ахмад ибн Хасан ал-Майманди, затем был принят дворцовый соглядатай. Все это время Кайкавус как личный надим находился в помещении для приема [8, с. 240; 7, с. 167]. Из этого сообщения Кайкавуса можно сделать вывод, что личные надимы были глубоко осведомлены о государственных делах.

Низам ал-Мулк указывает на то, что надимы приступали к службе после проведения приема правителем, т.е. они в приеме не участвовали. Но выше приведенный рассказ Кайкавуса противоречит сведению Низам ал-Мулка.

Кайкавус в свой очередь перечисляет ряд способностей, требовавшихся от надима, которые Низам ал-Мулк упустил из виду. В частности, он указывает на то, что надим должен был уметь писать на арабском и персидском языках, иметь глубокое религиозное знание, знать много о жизнеописаниях правителей минувших поколений, уметь шутить и ни коим образом не перемешивать шутки с серьезностью.

Отметим, что умение владеть персидским и арабским языками и письменностями, требовавшееся от надима, Низам ал-Мулк не упоминает. Наверное, это связано с личным мнением великого визиря разделять государственные дела от развлечений правителя. Ведь функцию по делопроизводству в эпоху Низам ал-Мулка исполнял диван туграи.

Кроме всего прочего, согласно Кайкавусу, надим, если даже не поэт, то должен был хорошо разбираться в поэзии и знать наизусть много арабских и персидских стихов. Действительно, некоторые прославленные поэты были надимами своего государя. Например, Рудаки был не только придворным поэтом, но и одним из личных надимов Насра ибн Ахмада (914-943) [17, с. 134]. Также поэты были постоянными участниками пиров двора, где читали свои хвалебные стихи, за что получали огромные вознаграждения в виде денег, драгоценностей и даже скота [18, с. 154]. Но почему-то Низам ал-Мулк не упоминает о важности знания поэзии надимом. На наш взгляд, Низам ал-Мулк нарочно упускает этот момент из виду, так как был противником поэзии. Низами Арузи Самарканди в своем трактате, рассказывая о первых шагах будущего царя поэтов сельджукского двора Амира Муиззи, приводит следующие слова самого поэта о Низам ал-Мулке: «Великий ходжа Низам ал-Мульк – да помилует его Аллах! не придавал большого значения поэзии, ибо не имел склонности к стихам и не общался ни с кем из имамов и суфиев» [14, с. 100]. Наверное, такое отношение Низама ал-Мулка к поэзии стало причиной того, что в период правления Алп-Арслана и Маликшаха поэзия развивалась слабо. Наверное, Низам ал-Мулк считал необоснованным расходовать огромные деньги для содержания и поощрения поэтов. Деятельность прославленных придворных сельджукских поэтов Муиззи и Анвари приходится на эпоху правления султана Санджара (1118-1157), т.е. тогда, когда Низама ал-Мулка на должности визиря уже не было.

Надимы считались зажиточным слоем феодального общества. Двор правителей предоставлял им полный достаток и уважение, о чем указывает и Низам ал-Мулк. Во время дворцовых пиров первыми из рук правителя дары получали надимы. Об этом свидетельствуют многочисленные рассказы и стихотворения. Например, поэт Фаррухии Систани в одном из своих стихотворений воспел надима султана Махмуда Газнави по имени Абубакр Абдуллах ибн Юсуф Хусайри, отмечая, что этот надим каждую ночь принимал участие в пиршествах султана и ранним утром привозил полученные дары домой на мулах [6, с. 170].

Байхаки сообщает, что в священный месяц рамазан двор Масъуда Газнави пиршеств не устраивал. Масъуд держал пост и принимал пищу исключительно с надимами или близкими

людьми [4, с. 663-664; 5, с. 481; 3, с. 575; 2, с. 511]. Этот факт еще раз показывает большую роль надимов в жизни двора.

Сопоставительный анализ показал, что в сведениях Низама ал-Мулка и Кайкавуса, относительно надима, значительных противоречий нет. Некоторые моменты, упущенные одним автором, можно найти у другого автора. Поэтому, изучение их трактатов дает полную картину о сути должности надима. Сопоставление сведений Низама ал-Мулка и Кайкавуса со сведениями других авторов также не выявило противоречий. На основе изученного материала можно сделать главный вывод, что основное предназначение надима в жизни двора заключалось в проведении веселых мероприятий с правителем. Они выбирались из числа образованнейших людей и считались самими близкими друзьями правителя. Правитель в отношении своих чиновников должен был соблюдать субординацию, а развлекательные мероприятия, вроде пиров, где он мог шутить, пить вино и т.д., проводить только с надимами. Хотя этот этикет двора не всегда соблюдался. Интересно еще и то, что, несмотря на то, что надимы были настолько близки с правителем, но история не помнит ни одного надима, получившего повышение в государственной службе.

Одно из основных различий описаний, которое дал Низам ал-Мулк относительно должности надима в отличие от Кайковуса, состоит в том, что он выступает в пользу государственного управления. Он делает акцент на то, чтобы потехи правителя никоим образом не мешали государственному управлению. Будучи вторым лицом в государстве Сельджуков, чья власть зависела от султана, Низам ал-Мулк не мог выступить в резкой форме против сложившейся дворцовой традиции, имевшей отрицательное влияние на государственную управление. Он это делает корректно и дипломатично. Из трактата Низама ал-Мулка мы делаем вывод, что в период его деятельности в качестве визиря этикет двора Сельджуков подвергся некоторой реформе.

ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анварӣ, Ҳ. Истилоҳоти девони давраи Ғазнавӣ ва Салҷуқӣ / Ҳ. Анварӣ. -Техрон, 1355. -323 с.
2. Байҳақӣ, А. Таърихи Байҳақӣ: тасхеҳи Алиакбари Фаёз / А. Байҳақӣ. –Машҳад: Донишгоҳи Фирдавсии Машҳад, 1383.-814 с.
3. Байҳақӣ, А. Таърихи Байҳақӣ: таҳияи матн, муаллифи мукаддима, ҳавошӣ ва феҳристҳо Сайфуллоҳи Муллоҷон / А. Байҳақӣ. –Душанбе: Бухоро, 2014. -774 с.
4. Байҳақи, А. История Масъуда: издание 2-е, дополненное / А. Байҳақи. -Москва: Наука, 1969. -1009 с.
5. Бейҳақи, Абул-фазл. История Масъуда: вступительная статья, перевод и примечания А.К. Арендса / А. Бейҳақи. –Ташкент: Изд. АН Узбекской ССР, 1962.-748 с.
6. Девони ҳаким Фарруҳии Систони. Бо кушиши Муҳаммад Дабир Сиёки. –Техрон: Заввор, 1371.-524 с.
7. Кайковус, Унсурмаолии. Қобуснома / Унсурмаолии Кайковус. –Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2007. -200 с.
8. Кей-Кавус. Кабус-намэ. Второе издание. Перевод статей и примечания члена-корреспондента Академии наук СССР Е.Э. Бертельса / Кей-Кавус. –Москва: ИВЛ, 1958. -296 с.
9. Мец, Адам. Мусульманский Ренессанс /Адам Мец. –Москва: Наука, 1966. -460 с.
10. Мец, Адам. Мусульманский Ренессанс. Изд. 2-е. Перевод с немецкого, предисловие, библиография и указатель Д.Е. Бертельса / Адам Мец. –Москва: Наука, 1973. -473 с.
11. Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ: перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б.Н. Заходера / Низам ал-Мульк. –М.: -Л.: АН СССР, 1949. –380 с.
12. Низомулмулк. Сиёсатнома / Низомулмулк. –Душанбе: Адиб, 1989.-200 с.
13. Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы / Низами Арузи Самарканди. –Москва: ИВЛ, 1963. -174 с.
14. Низомии Арӯзии Самаркандӣ. Чаҳор мақола. Таҳия ва тавзеҳи Фаҳриддин Насриддинов / Самаркандӣ, Низомии Арӯзии. –Хучанд: Ношир, 2015. -192 с.
15. Хоча Низомулмулк Абӯали Ҳасани Тӯсӣ. Сияр ул-мулк (Сиёсатнома): ба эҳтимоми Ҳюберт Дарки / Тӯсӣ, Хоча Низомулмулк Абӯали Ҳасани. –Техрон: Зебо, 1347/1968. -386 с.
16. Бертельс Е.Э.. Примечания // Кабус-намэ. Второе издание. –Москва: ИВЛ, 1958. –С. 265-289.
17. Хусенов, Ф.Р. Трансформация дворцовых церемоний в Мавераннахре и Хорасане (IX-начала XIII вв.): дис. ... канд. истор. наук / Ф.Р. Хусенов. –Худжанд, 2017. -176 с.
18. Хусенов, Ф.Р. Порядок делового приёма в феодальных дворах Мавераннахра и Хорасана в X-XI вв. / Ф.Р. Хусенов // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). -№2 (49). –Душанбе, 2015. –С. 152-157.

REFERENCES:

1. Anwari, H. Devon Terms in Ghaznavi and Saljuqi Epoch / H. Anwari. -Tehron, 1355. - 323 p.
2. Bayhaqi, A. The History of Bayhaqi: under the editorship of Aliakbari Fayezi / A. Bayhaqi. - Mashhad: Mashhad Firdawsi University, 1383. - 814 p.
3. Bayhaqi, A. The History of Bayhaqi: introductory article, translation and notes by Sayfullohi Mullojon / A. Bayhaqi. - Dushanbe: Bukhoro, 2014. - 774 p.
4. Bayhaqi, A. The History of Masud. The 2nd edition, supplemented / A. Baykhaki. - Moscow: Science, 1969. - 1009 p.
5. Bayhaqi, Abul-fazl. History of Masud: introductory article, translation and notes by A.K. Arends / A. Bayhaqi. - Tashkent: Publishing-House of Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1962. - 748 p.
6. Hakim Farrukhii Sistonii's Devon. Under the editorship of Muhammad Dabir Siyohi. –Tehran: Zavvor, 1371. - 524 p.
7. Kaikovus, Unsurmaoli. Busnom / Unsurmaoli Kaikovus. –Dushanbe: Education and Culture, 2007. - 200 p.
8. Kaikovus. Kabus-Name. The second edition. Translation of articles and notes by E.E. Bertels / Kaikovus. – M.: IVL, 1958. - 296 p.
9. Metz, Adam. Muslim Renaissance / Adam Metz. – M.: Science, 1966. - 460 p.
10. Metz, Adam. Muslim Renaissance. The 2nd edition. Translation from German, preface, bibliography and index by D.E. Bertels / Adam Metz. – M.: Science, 1973. - 473 p.
11. Nizam al-Mulk. Siaset-Name: translation, introduction to the study of the monument and notes by professor B.N. Zakhodera / Nizam al-Mulk. –M.:L.: AN SSSR, 1949. - 380 p.
12. Nizomulmuluk. Siyosat-Name / Nizomulmuluk. - Dushanbe: Man-of-Letters, 1989. - 200 p.
13. Nizami Aruzi Samarkandi. Collection of Rarities, or Four Conversations / Nizami Aruzi Samarkandi. – M.: IVL, 1963. - 174 p.
14. Nizomi Aruzi Samarkandi. Four Articles. Under the editorship of Fakhriddin Nasriddinov / Samarkand, Nizomi Aruzi. - Khujand: Publisher, 2015. - 192 p.
15. Khoja Nizomulmuluk Abuali Hasani Tusi. Siyar-ul-muluk (Siyosat-Name): under the editorship of Hubert Darki / Tusi, Khoja Nizomulmuluk Abuali Hasani. – Tehran: Zebo, 1347/1968. - 386 p.
16. Bertels E.E. Notes // Kabus-Name. The second edition. - M.: IVL, 1958. - P. 265-289.
17. Khusenov, F.R. Transformation of Palace Ceremonies in Maverannahr and Khorasan (IX-early XIII centuries): candidate dissertation in history / F.R. Khusenov. - Khujand, 2017. - 176 p.
18. Khusenov, F.R. The Order of Business Reception in the Feudal Courts of Maverannahr and Khorasan Referring to the X-th – the XI-th Centuries. / F.R. Khusenov // Bulletin of (Russian-Tajik (Slavic) University. -No. 2 (49). -Dushanbe, 2015. - P. 152 - 157.